

Вследствие тесного единения философии с большим количеством существующих знаний философские начинания неминуемо и скоро отражались на других науках, сопровождались коррелятивными изменениями в них. В свой очередь, открытия в отдельных научных отраслях немедленно получали философский и мировоззренческий отклик. Совершавшийся революционный переворот в философии отличался поэтому грандиозностью.

Теология, противостоявшая этому революционному перевороту как некая консервативная сила, также имела системообразующие признаки. Она давно уже подчинила себе различные области духа. Философия в средние века была теологизирована. Теология управляла нравственностью. Право являлось по существу разделом богословия. Религиозная картина мира включала в себя те заключения и выводы ученых древности, которые были приняты церковью и гармонизированы с христианством. Система мироздания опиралась на данные К.Птолемея, антропологии — на материалы К.Галена...

Церковь требовала, чтобы взгляды человека на окружающий его мир соответствовали не только библейским представлениям, но также высказываниям отцов церкви, других религиозных авторитетов, тем естественнонаучным установкам, которые были ею канонизированы; иными словами: всей религиозной традиции.

Совершавшиеся, начиная с эпохи Возрождения, в естествознании открытия, прежде всего, конечно, кардинальные, но иногда и частные, пробивали в этом теологическом и теологизированном комплексе одну брешь за другой. Эти открытия сопровождались распространением естественнонаучного материализма — материализма стихийного, не всегда целеустремленно направленного против теологии, но на деле ей противостоящего, действующего против нее. В подобных случаях естествознание, даже не вступая непосредственно в мировоззренческий конфликт, оказывалось фактически его участником — оппонентом традиционно существующих воззрений. Естественнонаучный материализм, дававший совершенно определенные мировоззренческие импульсы, смыкался с философским.

Появление материализма в процессе того революционного переворота, который переживала философия, не было событием случайным. Создателем его на данном этапе явился Ф.Бэкон. Сложившийся первоначально в Англии, материализм распространяется затем вширь, становясь достоянием философий различных других стран и народов, в XVIII в. достиг России...

Он развивался и вглубь, переживал эволюцию, трансформировался. Форма и содержание его менялись. На его первоначальных проявлениях сказывались различные обстоятельства того времени, в

том числе и взаимоотношения с религией, которая лишь постепенно утрачивала былое идейное всемогущество. Непоследовательности материализма и уступки, которые он вынужден был делать, в ходе его истории изживались. К его ранним стадиям не верно было бы подходить с мерками более поздних. Его различные исторические фазы требуют к себе исторического же подхода.

Первым русским философом-материалистом был Ломоносов. Он, как и некоторые другие ученые XVIII столетия, — энциклопедист, совершивший открытия в различных отраслях знания; он не только философ, его творческая деятельность связана с химией, физикой, геологией, астрономией, другими фундаментальными, а также прикладными естественными науками, с науками гуманитарного профиля.

В своих исследованиях, каких бы сфер знания они ни касались, Ломоносов придерживался чисто научного подхода и абсолютно исключал какие-либо иные, предполагающие нечто трансцендентное. Как считал он, «все, что есть в телах или совершается в них, происходит от конечного протяжения, силы инерции и движения их»¹

Обучаясь в Марбурге под руководством Х. Вольфа, Ломоносов не стал его философским приверженцем и последователем — вольфианцем. Он ценил Вольфа как разностороннего исследователя и хорошего педагога, но расходился с ним по некоторым принципиальным вопросам. В 1754 г. Ломоносов писал Л. Эйлеру по поводу монадологии Вольфа: «Хоть я твердо уверен, что это мистическое учение должно быть до основания уничтожено моими доказательствами, однако я боюсь омрачить старость мужу, благодеяния которого по отношению ко мне я не могу забыть...» (10, с. 503). Не желая огорчать Вольфа непосредственной критикой его учения, Ломоносов противопоставлял ему свои взгляды в позитивном плане.

Вольф, вслед за Г.В.Лейбницем, рассматривал монаду как неделимую часть нематериальной субстанции. И Лейбниц, и Вольф не обошлись в монадологии и без божественного предначертания, гармонизирующего мир монад. Подобных выходов за пределы реального корпускулярная концепция Ломоносова не предполагает и не допускает. Компоненты вещества согласно этой концепции вполне материальны и не нуждаются ни в каких субстанциях иного порядка. неделимую часть вещества Ломоносов называет элементом, а соединение элементов в группу — корпускулой. Корпускула может быть однородной, если она состоит из одних и тех же элементов, или же разнородной, если составляют ее различные элементы. К настоящему времени за тем, что Ломоносов обозначал как элемент, закрепился термин «атом», а за корпускулой — «молекула».

Во времена Ломоносова в научных кругах имели широкое распространение воззрения о теплотворе и флогистоне. Они рассматривались как нематериальные и невесомые сущности, придающие телам свойства теплоты и горючести, как явления, способные вселяться в тела и покидать их, как своего рода души тел. В научных трудах Ломоносова не нашлось места для так трактуемых флогистона и теплотвора. Свойства теплоты и горючести объяснялись им за счет движения тех мельчайших частиц, из которых состоят тела.

Ломоносов явился создателем новой научной дисциплины — физической химии. Он определял ее как науку, которая, пользуясь положениями и опытами физики, объясняет на основе их то, что происходит в телах при химических реакциях. Поскольку философия тогда была еще слабо дифференцирована и образовывала конгломерат наук, физическая химия представляла собой составную этого большого и сложного конгломерата. «Она, — писал Ломоносов о физической химии, — может быть названа также химической философией, но в совершенно другом смысле, чем та мистическая философия, где не только скрыты объяснения, но и самые операции производятся тайным образом» (2, с. 482).

Ломоносов известен и как историк; он — один из основателей русской исторической науки нового времени. Особенно много сделал он для понимания исторических событий и явлений раннего периода русской истории, для выявления предков русского народа, места, которое он занял в истории мировой. Его книги — «Древняя Российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава Первого или до 1054 года» и «Краткий Российский летописец». Происшедшее представлено Ломоносовым в них — в отличие от многих его современников — в чисто светском, рациональном освещении, без каких-либо обращений к помощи промысла и провидения. Ломоносов стремился снять мифический покров, сброшенный временем на реалии прошлого.

Он рассмотрел легенду о Волхе, сыне Словена, приведенную в летописи. Согласно преданию река, на которой стоит Новгород, получила от него свое имя; обладая свойствами оборотня, этот легендарный персонаж превращался в крокодила, плавал в воде и являлся грозой для жителей и гостей этого края. Ломоносов дает такое объяснение данному мифу: «Сие разуметь должно, что помянутый князь по Ладожскому озеру и по Волхову, или Мутной реке тогда называемой, разбойничал и по свирепству своему от подобия прозван плотоядным оным зверем» (6, с. 189).

Становление российского самодержавия сопровождалось в XV—XVI вв. его идеологическим обоснованием. Складывается концепция «Москва — третий Рим», согласно которой Москва является наследницей и преемницей Рима и Константинополя, второго Рима. В рамках ее выдвигаются претензии на родство правящей династии с римским императором Августом; данная идейная конструкция в середине XVI в. фиксируется «Степенной книгой» и становится своего рода православным и государственным каноном. Не желает сдавать свои установки она и впоследствии.

Ломоносов осуществляет логический анализ легенды. Он не принимает ее в буквальном смысле, но не отрицает возможность рационального содержания здесь, деформированного временем и обстоятельствами. Ломоносов упоминает о сведениях, из которых следует, что известная часть римлян переселялась на южные берега Балтийского моря, к славянам-россам; последние и составили ту часть варягов, представители которых явились к восточным славянам, передав им свое имя, и среди которых был Рюрик. Ломоносов не исключает, что среди выходцев из Рима, присоединившихся к россам, могли находиться «сродники кое-нибудь римского кесаря, которые все общим именем Августы, сиречь величественные или самодержцы, назывались». Так что Рюрик «мог быть кое-нибудь Августа, сиречь римского императора, сродник. Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу» (6, с. 216).

Ломоносов возражал против привнесения теологических версий в науку. Рассуждения, опирающиеся на постулаты религии, а не на добытые путем исследования факты, и противоречащие им, «весьма вредны приращению всех наук», хотя, по его мнению, тем, кто рассуждает подобным образом («оним умникам»), «и легко быть философами, выучась наизусть три слова: «Бог так сотворил» — и сие дая в ответ вместо всех причин» (5, с. 575).

В 1744 г., вскоре после возвращения из Германии, Ломоносов перевел «Вольфианскую экспериментальную физику» — одну из книг Х. Вольфа по сокращенному ее варианту, который был сделан учеником Вольфа Л. Ф. Тюммингом. Книга увидела свет в 1746 г. и затем была переиздана в 1760. Ломоносовым написано к книге предисловие, где изложены, в частности, его взгляды на науку, ее историю. Он рассказывает здесь, чего добилась наука за последние 200 лет. Успехи ее велики, и, чтобы наглядно представить их, он использует образный прием: «Пифагор за изобретение одного геометрического правила Зевсу принес на жертву сто волов. Но ежели бы за найденные в нынешние времена от остроумных математиков правила по суеверной его ревности поступать, то бы едва в целом свете столько рогатого скота сыскалось» (1, с. 424).

Ломоносов говорил не только о достижениях науки, но и о том, что препятствует ей. Он подчеркивал, что если бы не помехи, возникшие на ее пути, она сумела бы сделать гораздо больше.

В стихотворном «Письме о пользе стекла», написанном в 1752 г. (Ломоносов достаточно часто использовал стихотворную форму для популярного изложения своих взглядов), показано, что на протяжении веков, начиная с древности, нападки на правду, которую сообщает наука, осуществлялись под покровом святости. Именно из-за этого невосвратно погибло много знания. В «Письме» приводятся конкретные примеры подобного подавления науки.

Намного лучше знали бы мы небесную сферу, движение планет, течение луны, если бы против Аристарха, который, как известно, еще во времена античности придерживался идеи гелиоцентризма, не были выдвинуты обвинения в том, что он хочет потрясти основы мироздания.

«Под видом ложным сих почтения Богов
Закрыт был звездный мир чрез множество веков.
Боясь падения неправой оной веры,
Вели всегдашню брань с наукой лицемеры» (8, с. 517).

Земля стала считаться центром всего существующего, и астрономы долгое время были заняты бесплодным трудом, запутаны циклами.

Еще один объект критики в «Письме» — Августин, признанный авторитет христианства, считающийся одним из отцов церкви, автор труда о божием граде. Он ограничивал население нашей планеты жителями ее северного полушария; Августин отрицал антиподов — живущих «под нами». Он лучше бы поступил, если

«Без Математики вселенной бы не мерил!» (8, с. 518).

Привнесение теологии в науку рассматривалось Ломоносовым и в практически-организационном аспекте.

Даже и в наше время вопрос о существовании богословских структур в светских учебных заведениях все еще не снят окончательно с повестки дня. А более 250-ти лет тому назад мнение Ломоносова об этом являлось сугубо отрицательным. Он считал, что вполне достаточно будет факультетов, где преподаются научные дисциплины. Богословский же, говорит Ломоносов, «оставляю синодальным училищам» (10, с. 460).

Однако творец, создатель мира в работах Ломоносова упоминается, ссылки на него в них есть.

В XVIII в. значительное распространение в философской литературе имел деизм, течение, сторонники которого не исключали бога, признавали акт сотворения им мира, но отодвигали это действие в глубь времен и отказывались видеть какие-либо воздействия демиурга на последующие события. Вселенная согласно этим представлениям управляется законами, раз и навсегда данными богом, неизменными. Такая система взглядов открывала большие возможности для исследовательского поиска, не давая в то же время формальных поводов для обвинений в безбожии.

Деизм не был однороден. Тот его фланг, который примыкал к идеализму, признавая естественный ход событий в окружающей действительности, делал исключение для начала этого процесса, исходного пункта его. Для материалиста же деизм предоставлял нечто большее. Сопутствующими и последующими рассуждениями материалист сводил на нет первоначально представленную и имеющую самый общий характер деистическую декларацию.

Материалисту в середине XVIII в. трудно было обойтись без деизма. Религиозное мировоззрение оставалось влиятельной духовной силой, воздействовавшей на общественное мнение и заставлявшей с собой считаться. Церковь продолжала сохранять статус важнейшего социального института. Те сочинения по философии и науке, которые при иных обстоятельствах вполне обошлись бы без ссылок на бога, имеют их.

Наиболее влиятельной школой материализма того времени была французская, а виднейшим ее представителем являлся Д.Дидро. Западная Европа была лидером тогдашнего мирового сообщества, а Франция — одной из наиболее динамичных ее стран. Но и Дидро, передовой мыслитель передовой страны, не стремился прямо заявлять о своем материализме. Даже печатая свои произведения за рубежами собственной страны (откуда тиражи их возвращались во Францию) и прибегая к псевдонимам и анонимности, он все же не пренебрегал и деизмом как прикрытием материалистических воззрений.

Деистом материалистического толка являлся и Ломоносов. Причин для соединения материализма с деизмом в России было, конечно, не меньше, чем во Франции. Уровень социального развития здесь был ниже, чем там. Во Франции материалистическая традиция упрочивалась, в России она только еще закладывалась. Елизавета Петровна, в период двадцатилетнего царствования которой в основном и осуществлял свою научную деятельность Ломоносов, пришла к власти в результате дворцового переворота, произведенного под лозунгами возрождения и укрепления русских начал, одним из которых при-

знавалось православие. Выше подняла при ней голову церковь, более пристальное внимание обратила она и на вопросы, поднятые наукой. Совершенно ясно, что Ломоносов не оказался в числе духовных фаворитов церкви.

Каким же образом в подобной обстановке преодолевались, элиминировались им деистические установки на божественное начало в мире?

В оде, написанной в 1747 г., «зиждитель мира» выводится Ломоносовым на сцену действия наряду с богами античности — Марсом, Нептуном и др. В числе участников происходящего — Нева, не чуждая сомнений и имеющая дар речи; науки, простирающие руки к России; рок, обуреваемый завистью; музы, скорбящие о потере того, кто содействовал их начинаниям... В окружении мифологических персонажей и одушевленной действительности бог, признаваемый демиургом, воспринимается как метафора.

Согласно деистическим представлениям мир ограничен во времени. Ломоносов отстаивает совсем иной взгляд на Вселенную. Об этом у него, в частности, идет речь в одном из «размышлений» — утреннем. Здесь говорится:

«Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло приближившись возреть,
Тогдаб со всех открылся стран
Горящий вечно Океан» (8, с. 117–118).

Материалистические представления о вечности Вселенной предложены читателю в размышлении, в заголовке которого значится: «О Божиим Величестве».

В трактовке деизма сотворенный мир получает толчок от своего создателя, вследствие чего возникает первичное движение. Ломоносов не соглашается и с этим. Для него материальность мира и движение его — два нерасторжимых свойства. Этим принципом он руководствовался в своей повседневной научной деятельности. Есть у него и специальная работа по данному предмету — «О тяжести тел и об извечности первичного движения». Вот что пишет он здесь, приводя доводы против данной аксиомы деизма: «Предположим, что первичное движение не существует извечно; отсюда следует, что было время, когда этого движения не было, и что движущееся тело покоилось, но было наконец возбуждено к движению. Отсюда можно заключить, что было нечто внешнее, что его двигало, и следовательно первичное

движение не было первичным, что однако содержит противоречие. Поэтому необходимо принять противоположное утверждение и признать, что первичное движение никогда не может иметь начала, но должно длиться извечно» (2, с. 203—205).

Деизм в XVIII в. воспринимался критически с двух сторон. Справа он подвергался нападкам от христианских ортодоксов, церковников. Ломоносов же преодолевал, устранял его слева, с материалистических позиций.

Установленный Ломоносовым закон сохранения вещества и движения имел (да и сейчас имеет) кардинальное значение не только для конкретных наук, но и для научного мировоззрения. Собственно говоря, и тот вывод об извечности движения, который был сделан Ломоносовым, является следствием из этого закона.

Закон сохранения не явился для него неким однажды посетившим его наитием. На протяжении своей научной жизни он возвращался к нему не раз. Формулировал он его и на латыни, и на русском.

Впервые определение этого закона Ломоносов дал на латинском языке в 1748 г. Отвечая на письмо Л. Эйлера из Берлина, он составил небольшой научный трактат и отправил его в виде письма. Датировано оно 5 июля. Ломоносов писал здесь: «Но все встречающиеся в природе изменения происходят так, что если к чему-либо нечто прибавилось, то это отнимается у чего-то другого. Так, сколько материи прибавляется какому-нибудь телу, столько же теряется у другого, сколько часов я затрачиваю на сон, столько же отнимаю от бодрствования, и т.д. Так как это всеобщий закон природы, то он распространяется и на правила движения: тело, которое своим толчком возбуждает другое к движению, столько же теряет от своего движения, сколько сообщает другому, им двинутому» (2, с. 183—185).

В конце 1757 — начале 1758 г. Ломоносов пишет работу на латыни «Об отношении материи и веса». Он снова обращается в ней к закону сохранения; текст, относящийся к данному вопросу, почти полностью совпадает с тем, о чем шла речь в письме к Эйлеру».

Сочинение Ломоносова «Об отношении материи и веса» не было тогда опубликовано. Но в 1760 г. он пишет и издает другую работу «Рассуждение о твердости и жидкости тел». Если предыдущие тексты, представляющие закон сохранения, были на латинском языке, то здесь он изложен и на латыни, и на русском. Оба текста в той их части, которая относится к определению закона, мало чем отличаются от написанного ранее. Определение, впервые данное в письме к Эйлеру, явилось результатом продолжительных исследований и размышлений; именно поэтому оно впоследствии фактически совсем не менялось...

Совместить вечность мира, несотворимость вещества, из которого он состоит, изначальность движения с демиургом и тем толчком, которым он привел мироздание в движение, невозможно.

Обращения Ломоносова к богу-творцу, встречающиеся в его философских рассуждениях, напоминают обращения к монархам и вельможам, его современникам. Без того и другого ученому в то время трудно было обойтись. Между посланиями обоего рода немало общего; параллели здесь несомненны.

А.Н.Радищев осуждал жанр придворной лирики у Ломоносова: «Не завидую тебе, что следуя общему обычаю ласкати царям, нередко недостойным нетокмо похвалы стройным гласом воспетой, но ниже гудочного бряцания; ты льстил похвалою в стихах Елисавете»². А.С.Пушкин писал о том, что Ломоносов «наполнил торжественные свои оды высокопарною хвалою» и называл эти его оды должностными. «Но зато, — подчеркивал Пушкин, — умел он за себя постоять и не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей»³.

Независимо от того, писались эти похвальные оды по поручению руководства Академии наук или по собственному почину, все они имели — в той части их, где речь идет об адресатах, — заказной и конъюнктурно-комплиментарный характер. Некоторые из них готовились, если обстоятельства этого требовали, в обстановке крайней спешки.

На создание «всеподданнейшего поздравления» по случаю восшествия на престол Елизаветы Петровны ушло всего 13 дней — от замысла до издания (включая сюда написание Я.Я.Штелином варианта по-немецки, сочинение Ломоносовым русского стихотворного текста, одобрение его в инстанциях и т.д.). Ода, посвященная Петру III, ставшему императором, появилась на свет в еще более сжатые сроки: Елизавета Петровна умерла 25 декабря 1761 г., а 28 декабря уже написанная ода была одобрена и подписана в печать.

Случалось, что подобные произведения преследовала недобрая судьба. Летом и осенью 1741 г. пишутся оды, прославляющие Иоанна III и победы его оружия, а 25 ноября того же года император свергнут. Петр Федорович, воспетый как возвращенный России Петр Великий, продержался на троне всего несколько месяцев.

Как известно, потерпевшие неудачу монархи немедленно предавались забвению, документы и публикации, где они были упомянуты, изымались, уничтожались. Такая же участь, естественно, постигала и Ломоносовские оды, им посвященные. Исчезали они так же поспешно, как и появлялись. Случайно уцелевшие из этих изданий экземпляры являются ныне поистине библиографической редкостью.

Данные Ломоносовские тексты с теми, где поминается творец, сопоставимы еще в одном аспекте. Если их трактовать столь же буквально, то окажется, что и они не лишены сакрального смысла.

Елизавета Петровна, если верить одам о ней, богиня не только красотой, но и породой, богиня «Российская страна». Счастье, которое она распространяет,

«Отводит всех стихий наветы
И в след себе велит итти.
Ни бури, мразом изошренны,
Ни волны, льдом отягощенны,
Против его не могут стать!» (8, с. 503).
И Екатерина Алексеевна — богиня.
«Ликуйте: Правда на престоле,
И Ей премудрость приседит,
Небесными блеснув очами,
Богини Наша устами
Законы вечные гласит...» (8, с. 794).

Она, Минерва, достойна тысячи алтарей. В тех местах, коих достигают ее стопы, должно для вечности воздвигать храмы.

Для обеспечения научной деятельности Ломоносовым, помимо деизма, привлекались также теории предметного разграничения науки и религии и двойственной истины; точнее: он действовал, следуя традициям этих теорий. Сами теории появились еще в средние века. Суть первой из них в том, что у науки — свой предмет исследования, отличный от того, чем занимается религия (при этом допускалось, что и у религии есть своя сфера, недоступная для науки). Вторая признает существование таких научных истин, которые не обязаны соответствовать догматам религии, могут противоречить им.

К XVIII столетию эти теории трансформировались, становились тенденциями. У Ломоносова нет прямых ссылок на них, но заложенные в них принципиальные положения не оставлялись им без внимания.

Таковы рассуждения в духе предметного разграничения о правде и вере как о двух сестрах, дочерях одного «всевышнего родителя». В том же плане ссылался он и на две книги, которые создатель дал роду человеческому: «Первая — видимый сей мир... Вторая книга — священное писание» (4, с. 375). Им предлагалось, чтобы различные сферы деятельности, наука и религия, по возможности не пересекались и представители их не вмешивались в дела друг друга.